

ФИЛИППЪ АММОНЪ

(Германія)

Tractatus slavonicus

Ὁ Γραφεμοκλάσμος σκλαβηνικὸς (Письменоборчество славянъ)

«Старинѣ я буду вѣрнень, –
Съ дѣтства чтить ее привыкъ
Обезыченъ, обезьерень,
Обезьятень нашъ языкъ!»

(Ө. Е. Коршъ)

йцѣклѣнїе азѣика дрѣво жїзни:
хранѣй же ѣгѣ испѣлнтса дѣха.
Книга прїтчей соломѣнихъ ѣѣдѣ

Въ 1858-64 гг. въ шультפורтовской гимназїи (Landesschule Pforta) учился Фридрихъ Ницше, философъ, отвергшїй метафизикѣ* и потусторонность (Hinterwelt, Hinterweltlertum) въ пользу существованїя по сїю сторону, въ этомъ мїрѣ земномъ и видимомъ. Но въ Шультпортѣ родилось и училось еще и другое свѣтило мысли – математикѣ Августъ Мѣбиусъ, обнаружитель «Мѣбиусовой ленты или плоскости», простѣйшей односторонней поверхности съ краемъ, по которой изъ одной точки можно попасть въ любую другую, не пересѣкая края:

*Плавно и змїеобразно одна сторона
«Мѣбиусовой поверхности» переходитъ въ другую.*

* Въ очеркѣ вслѣдъ за В.И. Ивановымъ и Ө Ф. Зѣлинскимъ систематически вводятся ѵжица, џи и џи въ мѣстахъ ихъ эллинскаго употребленїя.

«Мёбіусова лента» какъ бы образно въ себѣ воплощаетъ замыселъ Ницше, идею отверженія потусторонности, той стороны.

Genius loci ли ими овладѣлъ, глаголя устами двухъ выпускниковъ Шульп-фортовской гимназіи? Пожалуй. Если идея единства бытія элеатовъ сказала въ образѣ шара и шотландскій деизмъ отразился въ образѣ невидимой руки, а вѣнскій рационализмъ естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ озвучивался додекафоніей, то Ницшево отверженіе потусторонности нашло свой видимый образъ въ «Мёбіусовомъ листѣ».*

«Мёбіусову ленту» можно было бы еще назвать итоговой фигурой, возникающей въ результатѣ крушенія онтологическихъ системъ. Если для функционирования онтологическихъ и жизненныхъ системъ характерно напряженіе между полюсами (міры земной и потусторонній, жизни вѣка сего и вѣка будущаго, верхнее и нижнее, женское и мужское начала, власти духовная и свѣтская, физика и метафизика), то въ результатѣ короткаго замыканія, въ итогѣ снятія жизненнаго напряженія, уничтоженія двухъ разностей, утрачивается жизнь, возникаетъ смерть.

Проявленіе такого процесса можно наблюдать – въ славянскомъ письмѣ.

«Тысячелѣтнее наслѣдство нашихъ великихъ просвѣтителей,
родоначальниковъ общеславянской
культуры – свв. равноапостольныхъ братьевъ Кѳриллу и Меѳодіа...»
Архіепископъ Аверкій (Таушевъ),
«Къ вопросу о Старой и Новой Орѳографіи»

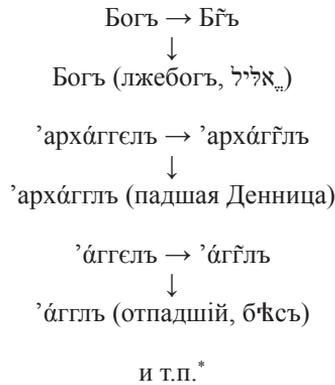
На славянскомъ письмѣ можно прослѣдить болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю исторію культуры. Славянское письмо восходитъ своими корнями къ святымъ равноапостольнымъ братьямъ Кѳриллу и Меѳодію, просвѣтителемъ племенъ славянскихъ. И не важно, что эллинообразная кѳриллица по всему вѣроятію была составлена ихъ ученикомъ Климентом Охридскимъ, а глаголица Кѳрилломъ.** Дѣло въ другомъ. Дѣло въ томъ, что славянская грамота искони была связана съ христіанскимъ просвѣтительствомъ, съ евангельской проповѣдью. Если глаголица, предназначенная для записи священныхъ христіанскихъ текстовъ, графически отобразила истины вѣры (первая буква «азь», славянская альфа, въ видѣ креста: †· буквы «і» – начало «ісоуса» – и «слово» – «въ началѣ бѣ слово» – составлены изъ круга, символа вѣчности, и треугольника, символа Троицы: Ѹ и Ѳ), то и кѳриллица проникнута христіанскимъ смысломъ. Сами названія буквъ несли людямъ благу вѣсть: «Я грамоту позналъ. Говори: Добро существуетъ! Живи совершенно, земля! Но какъ? Люди, размышляйте! У насъ потустороннее прибѣжище. Изреки слово

* Помимо этого «Мёбіусову ленту» еще и нарекаютъ прародителемъ символа безконечности (∞), ибо по «поверхности Мёбіуса» можно ходить и кружить безъ конца. Такимъ образомъ лента и отображаетъ умозрительное представленіе философа о вѣчномъ возвратѣ тождественнаго (ewige Wiederkehr des Gleichen).

** Потому глаголица первоначально и именовалась кѳриллицей, а та глаголицей. Жители Польцы (между Сплитомъ и Омишемъ) и донынѣ величаютъ свою кѳриллицу «нашей глаголицей».

истинное. Ученіе избрѣтатель: Херувимъ, – отрѣшеніемъ печали, – или червь» (дешифровка Лидіи Савельевой). Учащійся грамотѣ вмѣстѣ съ нею и принялъ сію азбучную истину, проповѣдь Константина Философа славянскому міру...

Большія возможности дало уставное письмо. Отсутствие или присутствіе титла (̄) придадо слову отрицательный или положительный богословскій отгѣнокъ. Титло орфографическимъ нимбомъ выразило связь слова съ высшимъ, съ небеснымъ, съ міромъ горнымъ; въ то время какъ отсутствие титла указывало на потерю связи съ онимъ горнымъ міромъ, на отпаденіе отъ него:

Петровская реформа 1708 г.

«Кровавый парь стоитъ над Русью,
 Топорь Петра російскій ломить борь
 И вдаль ведетъ проспекты страшныхъ просѣкъ...
 Великій Петръ былъ первый большевикъ,
 Замыслившій Россію перебросить,
 Склоненіямъ и нравамъ вопреки,
 За сотни лѣтъ къ ея грядущимъ далямъ»
 (Маѣимиліанъ Волошинъ, поэма «Россія» 1924 г.)

Съ этимъ покончилъ 720 лѣтъ послѣ крещенія Руси въ 1708 г. Великій Петръ. Свою свѣтскую власть онъ лишилъ противовѣса духовной власти, Управдѣ-Юстиніану да двуглавному орлу вопреки.**

* Уставное письмо титломъ также отличало Христа отъ лжехристовъ, антихристовъ, лжехриста и антихриста; Царя Небеснаго отъ царей земныхъ, Человѣка Истиннаго (Богочеловѣка) отъ человѣка грѣхопадшаго, Спаса Истиннаго отъ лжеспаса, Царствіе Небесное отъ царствъ земныхъ, пророковъ отъ лжепророковъ, Отца и отечество небесныхъ отъ земныхъ, Святаго отъ пустосвята, Божью Мудрость отъ мудрости земной, Любовь Господню отъ любви міра сего, Богоматерь отъ матери земной, Царицу Небесную отъ царицы южскія, Божественнаго Младенца отъ младенцевъ земныхъ, учителей Истины отъ лжеучителей, учениковъ Господнихъ отъ лжеученика (Иуды), страсть Христову отъ страстей земныхъ, священника церковнаго отъ лжесвященника, честь Божью отъ чести мірской, Церковь Божью отъ церкви лукавнующихъ, отъ лжецеркви, отъ антицеркви князя міра сего и т.д. Уставное письмо такимъ образомъ являлось неустаннымъ духовнымъ бодрствованіемъ. Его письма отражали христіанскую метафизику.

** Святой правѣрный Юстиніанъ по преданію былъ славяниномъ родомъ изъ Вердяна, близъ Средца (нынѣ болгарская столица Софія); при рожденіи названъ Управдою. Въ преамбулѣ къ шестой новеллѣ

Славянскую азбуку онъ лишилъ ея евангельскаго смысла, превращая ее въ голую «абевегу». Шрифть-буквица все болѣе становилась одноувною. Отмѣняя титла словъ, императоръ усложнилъ читателю исполненіе заповѣди апостола Павла – отнынѣ невозможно стало титломъ графически различать духовъ: Духъ Божій отъ духовъ злобы поднебесной, ангеловъ добрыхъ отъ ангеловъ богопротивныхъ и т.д. Такимъ образомъ болѣе не напоминалось въ письмѣ о существованіи личностной силы зла, духовнаго врага рода человѣческаго. Русскій читатель сталъ въ этомъ смыслѣ духовно слѣпымъ какъ Сведенборгъ, распознавая одинъ лишь міръ чистыхъ духовъ, забывая о существующемъ въ духовной сферѣ реальномъ потенциалѣ зла. А за великорусскимъ народомъ послѣдовали другія славянскія племена...

Слѣдующій за симъ прорывъ плотины осуществили большевики...

Н сколлоурафіа левиникѣ. Ленинское кривописание. Большевицкая реформа 1918 г.

«Такъ называемая новая орѳографія – никакая не новая. Она всегда существовала на заднихъ партахъ, среди тупиць и бездѣльниковъ».

«– Да, три легкія буквы отмѣнили, а три твердыя дали.
– Какія же твердыя?
– Скверныя буквы: гѣ, пѣ, у.»

Петровская реформа размыла духовныя оттѣнки словесъ, большевицкая же реформа вовсе запутала ихъ смыслъ. Коль Ницше утвердилъ, что «мы никакъ не избавимся отъ Бога покамѣстъ не откажемся отъ грамматики», то большевики въ послѣднемъ весьма преуспѣли: διάβολος – путанникъ. Сведеніемъ родительнаго и винительнаго падежей женскаго личнаго мѣстоимѣнія затемнилось слѣдующее предложеніе: «Онъ взялъ со стола ея книгу и отдалъ ее ей.»

Невольной сатврой читается выступленіе Троцкаго на XI съѣздѣ въ большевицкой орѳографіи: «Въ Западной Европѣ, если побѣдитъ *ее* пролетаріатъ...».

Благодаря отмѣнѣ ятя (ѣ), «бѣлой лебеди азбуки» стерлась разница между «прѣніемъ» (гніеніемъ) и «прениемъ» (споромъ). Совпали противоположности «нѣ-когда» (когда-то) и «некогда» (нѣтъ времени), «нѣгдѣ» (гдѣ-то) и «негдѣ»; снялось смысловое напряженіе.

Отвѣтъ на вопросъ: «Когда же это было?» сталъ двусмысленнымъ: «Отстань, нѣкогда...» (т.-е. когда-то) или «Отстань, некогда...» (нѣтъ досуга, чтобы отвѣтить

своего свода законовъ онъ впервые сформулировалъ принципъ «сумфоніи» государственной и духовной властей. Этотъ принципъ сумволически отображался ввзантійскимъ гербомъ, двуглавымъ орломъ, перенятымъ государями російскими отъ царей ромейскихъ.

на вопрось). Идеологически несознательнымъ выходить послѣ реформы и выступленіе Зиновьева на томъ же XI съѣздѣ: «... международный пролетаріатъ оселъ».

Но помимо діалектической хохмы становились также непонятными слова молитвы: «Горѣ имѣемъ сердца». Примѣровъ тому несмѣтное множество. Оторвала реформа читателя какъ от церковнаго наслѣдія, такъ и отъ русской классики: «и утѣшеніе нашель я въ этой пѣнѣ упоительной» (послѣ реформы утѣшался бы штрафомъ). Что и считалось цѣлесообразнымъ при созданіи «новаго челоѣка». Ея сатанинская цѣль – пресѣчь духовную преемственность, лишить русскій народъ его прошлаго («соціалисты ненавидятъ исторію», Ф.М.Д.). Если Несторъ Лѣтописецъ гласилъ, что «словѣнескъ языкъ и рускый одинъ», то реформа 1918 г. отмѣной славянизмовъ въ окончаніяхъ прилагательныхъ (-аго и -яго: Бога Живаго, а также -ья и -ія: «Среди долины ровныя...») преслѣдовала цѣль пресѣченія связей письма со Священнымъ Писаніемъ, письменнаго обезбоживанія православной Россіи.

Въ «Россійской грамматикѣ» Ломоносовъ предупредилъ: «Нѣкоторые покушаются истребить букву ять. Но сіе невозможно, такъ и свойствамъ русскіаго языка противно».

Вѣнценосный ять палеографы честили «крещеннымъ еремъ». «Самую славянскую букву», «тонкій» ять (Ломоносовъ), архіепископъ Аверкій (Таушевъ) называлъ «объединяющимъ звеномъ, духовнымъ сѣмволомъ единенія всѣхъ славянскихъ племень и народностей». «Какъ бы территориально ни разнообразился звукъ, какъ бы ни мѣнялся онъ во времени, ять объединяетъ всѣхъ молящихся славянъ. И если его замѣнить на е, і, я, то разрушается исконное единство». Какъ въ Китаѣ знаковое письмо преодолѣваетъ мѣстные языки и нарѣчія, также письма ѣ преодолѣвало различія въ говорахъ славянскихъ. Въ раздѣленіи ятя на икавицу, екавицу и іекавицу у южныхъ славянъ уже было заложено грядущее разъединеніе...

Была у большевиковъ однако и еще другая политическая подоплека: Если дамы и господа, судари и сударыни замѣнялись товарищами (Вл. Даль зналъ еще и женскую форму «товарку»), то въ грамматикѣ уравниловка половъ сказалась въ отмѣнѣ личнаго мѣстоимѣнія, а также и именъ прилагательныхъ, женскаго и средняго родовъ множественнаго числа. Уже не «обворожали насъ онѣ» у Тютчева, а «они». «Изящныя однѣ» послѣ большевицкаго “Gender Mainstreaming”^а – «изящныя одни».

Въ орфографической реформѣ провелась культурная революція, она была ея краугольнымъ камнемъ. Коль скоро въ нацистской Германіи сожженіе книгъ предвосхитило сожженіе людей, то въ Совѣтской Россіи ликвидація отжившихъ свой вѣкъ письменъ (і десятиричное, ѣ, ѳ, ѵ)^{*} предвкусала ликвидацію старорежимныхъ классовъ. Какъ священное сокращеніе слова Θεός (Богъ, допустимъ въ иконной надписи образа Богородицы: ΜΡ ΘΥ – ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΥ) ѳита была своего рода сѣмволомъ Церкви. Изъ ленинскаго «аѳитаизма» явствовалъ голый аѳеизмъ, сіестъ безбожничество. Не зря народъ въ поговоркѣ совокупилъ оба сія явленія: «ѳиту Стало

^{*} Какой правотѣрный іудей за совпадениемъ съ ѳиномъ отказался бы отъ ѳаде? Вѣдь согласно тальмуди-ческому тезису науку можно обрѣсти только съ помощью знаковъ.

и некому прописать русичамъ ижицу. Первымъ исповѣдникомъ царскаго письма сталъ Дмитрій Сергѣевичъ Лихачевъ. Въ своемъ докладѣ «О преимуществахъ старой орѳографіи», за который былъ сосланъ на Соловки, онъ назвалъ новую орѳографію «дѣломъ антихристовой власти», которое посягнуло «на самое православное въ алфавитѣ». Задолго до реформы Л.Толстой предостерегъ, что отъ отмины «лишнихъ» буквъ «процессъ чтенія сдѣлается медленнѣе». Философъ Ильинъ клеймилъ новое письмо «кривописаніемъ». Бунинъ же рече слово твердо: «По приказу Архангела Михаила никогда не приму большевицкаго правописанія». Единственная цѣль реформы по мнѣнію Г.С. Злотина заключалась въ томъ, чтобы «ломать становой хребетъ всего языка». Не всякій совершенный поступокъ есть совершенный...

Замѣной родительнаго падежа на «-аго» подударнымъ «-ого» обезсмыслилось предложеніе: «Я видѣлъ его самогó, но показалось мнѣ, что я вижу не того же самаго»...

А отказъ отъ конечнаго ера, отъ катехона русской орѳографіи, способствовалъ мямленію... Благодаря же замѣнѣ приставки «безъ» беззвучнымъ «бесъ» возникло дьявольское заклинаніе: «бессилен».

Знаменательнѣе всего была однако отмины «і десятиричнаго» и «ѵжицы». Совѣтскій обыватель при муропомазаніи задался вопросомъ: «То ли вселенной, то ли покоемъ помазуютъ?». На урокѣ русской литературы въ совѣтской школѣ (самъ былъ тому свидѣтелемъ) преподаватель недоумѣвалъ, какъ правильно понять толстовскій романъ...

Въ основѣ раздѣленія звука «и» на иже («и восьмеричное») и «і десятиричное» лежалъ эсхатологическій смыслъ: Развоенные грѣхопадениемъ миръ и міръ должны были воссоединиться по Второмъ Пришествіи въ концѣ исторіи. И въ предвосхищеніи этого воссоединенія большевиками сказалось ихъ хилиастическое міровоззрѣніе, ихъ стремленіе къ созданію рая земнаго усиліями грѣхопадшаго чловѣка...

Смыслъ совѣтскаго лозунга «міру миръ» (заимствованное изъ богослужебнаго «мира мірови у Господа просимъ») затмилось реформой. Господни слова о «мирѣ не отъ міра сего» надлежали стать непонятными совѣтскому чловѣку. Слово «нашъ онъ покой» – «у насъ потустороннее прибежище» – претило всему совѣтскому міровоззрѣнію. Въ немъ не было мѣсто прибежищу потустороннему, до котораго не дошла бы рука чекиста. Въ совѣтскомъ мирѣ, отраженіемъ котораго являлось большевицкое письмо, миръ тотъ и сей совпали. Замкнулся Мѣбіусовъ кругъ.

Philipp Ammon
(Germany)

Tractatus slavonicus – The Slavonic Graphemoclasm

Summary

Key words: The Möbius loop, Hinterwelt, Genius loci Scholae Provincialis Portensis, Nietzsche, Glagolitic, Cyrillic, the Petrinian reform, Lenin’s cultural revolution, the collapse of metaphysics in Slavonic writing

Both August Möbius (1790–1868) and Friedrich Nietzsche (1844-1900) attended Pforta Abbey’s Landesschule. Whereas Möbius as a mathematician discovered a non-orientable two-dimensional surface, the so-called Möbius strip or loop, i.e. a surface with only one side and one boundary, Nietzsche tried to overcome the so-called Hinterwelt, the metaphysical realm beyond the physical one or the other side of being. Just as the Eleatic sphere symbolised the idea of the unity and the unchangeability of all being, just as the *invisible hand* reflected Scottish deism, just as dodecaphony underscored musically the Vienna Circle’s logical positivism, so the Nietzschean overcoming of the beyond along with the *eternal recurrence of the same* can be depicted by the Möbius loop.

In this context we might also regard the Moebius loop as a figure eventuating from the collapse of ontological systems. If the functioning of ontological and vital systems is characterised by a tension between two poles (the earthly and the other world, the life of this world and of the world to come, the above and the below, the masculine and the feminine principle, the temporal and the spiritual power, physics and metaphysics), it follows that, as a consequence of the annihilation of this vital tension and of the abolition of the difference between two opposing principles – as a result of a short-circuit as it were –, life is vanishing and death is occurring. Just such a process may be observed in the development of Slavonic writing.

This article attempts to illustrate the cultural and historical significance of the graphematic changes of the more than thousand-year-old Slavonic writing. Emphasis lies on its development from the Petrinian reform up to the Leninist cultural revolution. With its revolutionary aspects, the transformation of the Slavonic script conveys a profound philosophical connotation. It reflects a process of secularisation depriving the script of its metaphysical symbolism.

Slavonic writing historically departs from the *glagolitsa* developed by St. Cyril of Thessaloniki (ca. 826/27-869) in the 9th c. Into this alphabet designed for missionary purposes among the Slavs he introduced letters fraught with Christian religious symbolism: the Slavonic *az* (i. e. Cyril’s substitute for *alpha*) was depicted by the sign of a cross (†)· the letters *i* (the first letter in the name “Isous” for Jesus) and *slovo* (i.e. *word* – “In the beginning was the Word”, invented as a substitute for *sigma*) were depicted by a com-

bination of a circle, the symbol of eternity, and a triangle, the symbol of the Trinity (Ѡ and Ѧ).

In a further step, the *cyrilitsa* ascribed to St. Clement of Ohrid (ca. 840–916) contained the extended diacritic *titlo* (¨) symbol to mark the *nomina sacra*, e.g. the *titlo* crowning the word angel (’агг¨ль) served to distinguish the angel of the heavenly realm from the fallen angel (’аггль). The Cyrillic alphabet, a.k.a. *azbuka*, was made up of letters conveying the connection of literacy and the Gospel.

As part of Peter the Great’s efforts to modernise Russia by Europeanising his realm in all aspects of life the Cyrillic script was to resemble Latin alphabets current in Western Europe in the early 18th c. The new script introduced by decree in 1708 became known as the civil or Amsterdam script (*grazhdansky shrift* or *amsterdamskaya azbuka*). Aiming at Latin simplicity, the Petrinian reform stripped the *cyrilitsa* of its medieval calligraphic ornaments and its religious connotations. The Slavonic ideographic names were replaced by phonetic initials, i.e. the *azbuka* was transformed into the *abevega*. The *titla* were eliminated.

Right after the Bolshevik Revolution, Dec. 23, 1917 (Jan. 5, 1918) Anatoly Lunacharsky, the first People’s Commissar of Enlightenment, proclaimed the “Decree on the Introduction of a New Orthography”. The reform intended to promote rapid alphabetisation on the one hand and to break with pre-revolutionary culture, in particular with religious traditions, on the other. The elimination of the “superfluous” letters prefigured the liquidation of the “parasitic” classes. The Bolshevik reform deprived the Tsarist alphabet of the remaining Greek letters (such as theta (θ)). By removing the Slavonic letters yat (ѣ), the final yer (ь) and the decimal i (i desyaterichnoe) as well as distinctive female personal pronouns and adjective endings the reform deprived the Russian language of precision in expression. Simplification brought about a reduction of semantic clarity.

The most striking example of this reduction is found in the merger of world and peace in *mir*. In traditional eschatology the identity of world and peace was to be expected only at the end of times. In an chiliastic effort Bolshevism intended to realise the kingdom to come in the revolutionary present. Not by chance the Leninist language reform reflects this turn from traditional metaphysics to secular religion. The Möbius loop had locked.

ფილიპპ ამონი
(გერმანია)

Tractatus Slavonicus

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: მოზიუსის მარყუჟი, ნიცშე, ლენინის კულტურული რევოლუცია, მეტაფიზიკის კოლაფსი სლავურ მწერლობაში.

ორივე აუგუსტ მოზიუსი (1790-1868) და ფრიდრიხ ნიცშე (1844-1900) დაესწრო „Pforta Abbey’s Landesschule“-ს. მაშინ როცა მოზიუსმა, როგორც მათემატიკოსმა აღმოაჩინა არაორიენტირებული ორგანოზომილებიანი ზედაპირი, ე.წ. მოზიუსის ზოლები, მაგალითად, ზედაპირი მხოლოდ ერთ მხარით და ერთი საზღვრით, ნიცშე ცდილობდა დაძლევა ე.წ. *Hinterwelt* – მეტაფიზიკური სფერო ყოფნის ერთი ან მეორე ფიზიკური მხარის მიღმა. ისევე, როგორც ელეატიკურ (Eleatic) სფერო ყველა არსების ერთიანობისა და უცვლელობის იდეას სიმბოლო იყო.

ამ კონტექსტში, ჩვენ შეიძლება ასევე მივიჩნიოთ მოზიუსის მარყუჟი, როგორც ფიგურა, რომელიც წარმოიქმნება ონტოლოგიური სისტემების კოლაფსის შედეგად. თუ ონტოლოგიური და სასიცოცხლო სისტემების ფუნქციონირებას ახასიათებს დაძაბულობა ორ პოლუსს შორის (ამ სამყაროს ცხოვრება და იმ სამყაროსი, ზემოთ და ქვემოთ, მამაკაცური და ქალური პრინციპი, დროებითი და სულიერი ძალა, ფიზიკა და მეტაფიზიკა), აქედან გამომდინარე, ამ ვიტალური დაძაბულობის განადგურების შედეგად და ორ საპირისპირო პრინციპს შორის არსებული განსხვავების გაუქმების შემდეგ, სიცოცხლე ქრება და სიკვდილი იბადება. ზუსტად ამგვარი პროცესი შეიძლება იყოს დაფიქსირებული სლავურ მწერლობაში.

სტატია ცდილობს ასახოს კულტურული და ისტორიული მნიშვნელობის გრაფემატული ცვლილებები ათასზე მეტი წლის სლავური მწერლობისა. აქცენტი კეთდება მის განვითარების პეტრინიანული რეფორმიდან ლენინურ კულტურულ რევოლუციამდე. რევოლუციური ასპექტებით სლავური დამწერლობის ტრანსფორმაცია გადმოსცემს ღრმა ფილოსოფიურ კონოტაციას. იგი ასახავს სეკულარიზაციის პროცესს, რომელიც ხელნაწერს მეტაფიზიკურ სიმბოლიზმს ართმევს.